

Ганс Кёхлер¹

МИРОВОЙ ПОРЯДОК И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС

Эволюция мирового порядка

Когда в начале 1990-х годов закончилась так называемая холодная война, мир с нетерпением ожидал появления *нового и мирного* мирового порядка². Существовала надежда на то, что соперничество между двумя сверхдержавами, которое принято называть «конфликтом между Востоком и Западом», перерастет в стабильную систему сотрудничества между всеми государствами на равноправной основе и на основе общих целей.

Однако предрекаемый золотой век «либеральной демократии» и «мира» быстро превратился в фата-мор-

¹ Президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), профессор Университета Инсбрука, доктор философии. Автор более 30 научных публикаций, в т. ч.: «Феноменологический реализм: избранные эссе», «Демократия и международное правовое государство. Предложения по альтернативному мировому порядку», «Концепция гуманитарного вмешательства в контексте современной политической власти», «Глобальная справедливость или глобальная месть? Международное криминальное законодательство на распутье», «Мусульмано-христианские связи в Европе. Прошлое, настоящее, будущее», «Совет безопасности как исполнитель справедливости?» и др. Награжден Почетной медалью Австрийского общества вузов, Почетной медалью Международного бюро мира (Женева, Швейцария), Большой медалью Давида непобедимого Армянской академии философии и др. Почетный доктор Государственного университета Минданао (Филиппины) и Армянского государственного педагогического университета.

² Об анализе термина «новый мировой порядок» и его идеологических причинах см.: Кёхлер Г. Демократия и новый мировой порядок // Вопросы международных отношений. Вена: Международная организация за прогресс, 1993. Т. 19.

гану, когда стало понятно, что одна сторона в прежнем конфликте, считавшая себя победительницей в мировой борьбе за власть, стремилась к тому, чтобы единолично определять основные принципы мирового порядка, в том числе принципы прав человека и верховенства закона. В последующие годы большинство государств — членов Организации Объединенных Наций оспаривали право этой сверхдержавы на политическое и идеологическое превосходство. Фрэнсис Фукуяма провозгласил «конец истории»³, подразумевающий принятие в мировом масштабе так называемой доктрины победителя, однако его заявление оказалось преждевременным.

Внезапное исчезновение мирового баланса между странами после распада Советского Союза и окончания действия Варшавского договора привело к возникновению *гегемонистских устремлений*, когда страна — мировой лидер — взялась представлять свои *национальные интересы* так, как если бы она представляла *всеобщие интересы* человечества⁴. В новом одно-

³ Фукуяма Ф. Конец истории? // The National Interest. Т. 16 (лето 1989 г.). С. 3–18; *Он же*. Конец истории и последний человек. Нью-Йорк; Торонто: Free Press and Maxwell Macmillan, 1992.

⁴ Американский политический комментатор Чарльз Краутхаммер с особым одобрением раскрывает смысл такого имперского понимания роли мирового гегемона: «У Америки должно быть свое независимое мнение по поводу собственных интересов и интересов всего земного шара» (Краутхаммер Ч. Еще раз об однополярном моменте // The National Interest. 2002–2003. Зима. С. 16).

полярном мире¹ отсутствие системы сдержек и противовесов в межгосударственных отношениях привело к глубокой дестабилизации международной системы, представляемой Организацией Объединенных Наций, и к своеобразной юридической анархии, в результате которой роль этой международной организации была сведена к бездействующему наблюдению за односторонними действиями страны-гегемона. Военные агрессии против Югославии в 1999 году и против Ирака в 2003-м — только два примера того, как система коллективной безопасности, основанная на балансе сил между постоянными членами Совета Безопасности ООН, подверглась эрозии и в конечном счете была разрушена в интересах лишь *одного* государства — члена Совета Безопасности². Такое развитие событий стало очевидным в 1991 году во время войны против Ирака в Персидском заливе, когда Соединенным Штатам удалось использовать свое влияние с целью создания коалиции против Ирака и выдвинуть особую ближневосточную политическую доктрину «Новый Ближний Восток»³.

Эти шаги, официально предпринятые так называемыми международными коалиционными силами на основе принятой Советом Безопасности ООН резолюции⁴, включали экономические санкции против всего гражданского населения, приведшие к гибели миллиона мирных жителей⁵. Во время интервенции НАТО в Ливию в 2011 году снова стало понятно, что в отсутствие необходимых инструментов сдерживания такое стремление к власти практически не знает границ.

В образовавшейся обстановке гегемонизма сама законность использования вооруженных сил от имени Совета Безопасности ООН была поставлена под сомнение и даже проигнорирована, а система коллективной безопасности была признана недействующей. Это произошло главным образом из-за нарушения положений гл. 7 Устава Организации Объединенных Наций, допущенного *основным и самым мощным* участником событий, действующим на основании собственных стратегических интересов. В таких обстоятельствах

эта ведущая страна пользуется любой возможностью использовать мандат Совета Безопасности на применение военной силы как удобный шанс выдвинуть на передний план свои стратегические интересы.

Практика проведения силовой политики в условиях *военной* однополярности стала самой серьезной угрозой принципу национального суверенитета и, в частности, принципу *суверенного равенства* стран, закрепленному в ст. 2 (1) Устава ООН. Эта ведущая страна все больше пытается скрыть свои национальные интересы за завесой таких *всеобщих ценностей*, как демократия, права человека и главенство закона, хотя и интерпретирует эти ценности сугубо по-своему⁶.

Это, в свою очередь, вызвало противодействие со стороны членов международного сообщества, которые сопротивляются тому, что их отодвигают на задний план, и заявляют о своих национальных интересах⁷. Прикрываясь принципом «либерализации» торговли, стран-гегемон также проводит хищническую политику экономической глобализации исходя из собственных стратегических интересов. В ответ на эти всеобъемлющие притязания на мировое господство были созданы новые формы межправительственной кооперации, такие как БРИКС (куда входят Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка) или Шанхайская организация сотрудничества.

Наступившая мировая напряженность после холодной войны также стала результатом возрастающего *противоречия* между однополярностью в военно-политической сфере и многополярностью в социокультурной (или цивилизационной)⁸. То, что Сэмюэль Хантингтон назвал «столкновением цивилизаций»⁹, также частично является результатом этой напряженности и стремления ведущей державы к установлению культурного (и идеологического) превосходства над остальным миром¹⁰.

Таким образом, новый баланс сил будет неотъемлемым компонентом *политики национальных интересов*, которая не должна приводить к мировой диктатуре и постоянным конфликтам. Соблюдение национальных интересов должно осуществляться в рамках *сотруд-*

¹ Более подробно см. (помимо прочих работ): Брукс С., Уолфорт У. Американское превосходство в перспективе // Foreign Affairs. 2002. Июль-авг. Т. 81, № 4. С. 20–33.

² См.: Кёхлер Г. Куда идете, объединенные нации? // Foreign Affairs. 2002. Июль-авг. Т. 81, № 4. С. 20–33; Мировой порядок: видимое и реальное: сб. ст. / под ред. Д. Армстронга. Нью-Дели: Manak, 2009. С. 189–204 (подробнее гл. II, с. 192 и др.).

³ Об этой концепции см. также: Кюннер Дж. Т. Новый Ближний Восток: докл. Ист. ин-та для преподавателей при Исслед. ин-те внешней политики США // The Newsletter of FPRI's Marvin Wachman Fund for International Education. 2005. Т. 10, № 1. URL: www.fpri.org/footnotes/101.200501.kuehner.newmiddleeast.html (сайт Исслед. ин-та внешней политики США).

⁴ Подробнее о маргинализации ООН в решении этого конфликта см.: Иракский кризис и Организация Объединенных Наций: политика силы против международного верховенства права: меморандумы и декларации Междунар. организации «Прогресс» (1990–2003). Исследования в области международных отношений, XXVIII / ред. Г. Кёхлер. Вена: Междунар. организация «Прогресс», 2004.

⁵ См. также: Несанкционированные страдания: оценка роли санкций Организации Объединенных Наций в области прав человека в отношении Ирака: докл. Исслед. группы Гарварда / Центр по изучению социально-экономических прав. 1996. Май. URL: www.cesr.org/downloads/Unsanctioned%20Suffering%201996.pdf

⁶ Еще во время Второй мировой войны генерал Шарль де Голль отмечал тенденцию маскировать под идеализмом стремление к власти в заявлениях Президента США: “Je écoute Roosevelt me décrire ses projets. Comme cela est humain, l'idéalisme y habille la volonté de puissance” (Голль Ш. де. Военные мемуары // L'Unité. 1942–1944. Париж: Librairie Plon, 1956. Т. 2. Вып. 1. С. 238).

⁷ Это также отмечает Чарльз Краутхаммер, который, рассуждая о Соединенных Штатах, признает, что «наш исторический опыт гегемонизма таков, что он неизбежно создает противодействующую коалицию более слабых стран...» (Краутхаммер Ч. Указ. соч. С. 8). Однако он ошибается, когда утверждает, что подобного «противодействия» в однополярной среде не произошло после событий 11 сентября 2001 г. (Там же).

⁸ Более подробно см.: Кёхлер Г. Смещение баланса сил и будущее суверенных государств // Bulletin 2010: всемир. общественный форум «Диалог цивилизаций». М., 2009. С. 129–142.

⁹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Foreign Affairs. 1993. Лето. Т. 72, № 3. С. 22–49.

¹⁰ См. также: Кёхлер Г. Цивилизация как инструмент мирового порядка? Роль цивилизационной парадигмы и отсутствие баланса сил // Цивилизации и мировой порядок: геополитические и культурные различия / под ред. Ф. Даллмайер, М. А. Каяпинар, И. Яйладжы. Сер. “Global Encounters: Studies in Comparative Political Theory”. Lanham; Boulder; N. Y.; Toronto; Plymouth (UK): Lexington Book, 2014. С. 19–33.

ничества и на основе взаимности, что соответствует принципу суверенного равенства стран, провозглашенному Организацией Объединенных Наций. Это понятие не соответствует стабильному мировому порядку, если его интерпретировать в абсолютном смысле, исключая или, более точно, поглощая интересы других стран, стремящихся к мировому влиянию. Политика национальных интересов не должна оставаться сферой исключительных интересов страны или стран, выступающих в данный момент с лидерских позиций.

Необходимость этого еще более очевидна в свете заявлений, сделанных после 11 сентября 2001 года, согласно которым США объявляются «единственной мировой державой, способной установить баланс сил в любом регионе»¹, и «для сохранения и поддержания однополярности, о чем заявляется совершенно открыто и беззастенчиво, США должны сохранить свое неоспоримое господство в обозримом будущем»².

Национальный интерес в многополярном мире

Как в теории, так и на практике не существует четкого определения понятия «национальный интерес», несмотря на его огромную роль в отношениях между государствами. Хотя в соответствии с основными принципами международных отношений национальный интерес обычно определяется с точки зрения «власти»³ (или, точнее говоря, как интерес сохранения власти), что превращает его в «вечную норму, в соответствии с которой следует оценивать и направлять политическую деятельность»⁴, это понятие следует рассматривать исходя из его значимости для различных сфер деятельности государства (экономической, социальной, культурной, военной и т. д.), чтобы лучше понять динамику межгосударственных отношений и правильно определить глобальные проблемы современности. Помимо четкости определения, каждое государство должно играть с открытыми картами и однозначно определить и обозначить параметры, которые очерчивают сферу его национальных интересов. Это одно из важнейших требований компетентной внешней политики, которая сама по себе может сделать государство авторитетным членом международного сообщества. Только когда одни государства позволяют другим компетентно просчитывать свои действия, станет возможен стабильный мировой порядок.

Определение национальных интересов государства должно быть четким и полным⁵. Политика проведения национальных интересов должна быть прозрачной, и все государства сообщества должны быть осведомлены о ее основных принципах. Естественно, в центре такого определения будут национальная безо-

пасность и ее обеспечение, чтобы граждане и общество могли реализовать свои цели в социальной, экономической и культурной областях, и поэтому в определении должна содержаться четкая иерархия интересов (ценностей)⁶.

Следовательно, «национальный интерес» является многоаспектным понятием, которое необходимо описывать только в рамках конкретной организационной структуры и с учетом конкретной исторической обстановки. Поскольку на карту поставлено самосохранение государства как коллектива граждан, национальные интересы имеют долгосрочный характер. Международный аспект, заключающийся в обороне государства, вытекает из того, что все суверенные субъекты должны определять свою роль и действовать в согласии с другими суверенными субъектами. Государство не может делать это в гордом одиночестве. Установленный законом «суверенитет» и статус суверенного равенства сами по себе не смогут защитить государство от потенциально враждебных намерений других государств или от неблагоприятных последствий реализации своих интересов. В наш век глобальной взаимозависимости это особенно актуально.

Кроме того, как говорилось выше, в эпоху глобализации обоснованное определение понятия «национальный интерес» возможно лишь на основе принципа взаимности, то есть при разработке государственной доктрины необходимо принимать во внимание взаимозависимость действий суверенных государств и учитывать интересы друг друга. Это особенно важно в отношении глобальных экологических проблем (в плане экологии мы все находимся «в одной лодке») и ядерного потенциала, разрабатываемого явно или тайно рядом ведущих мировых держав.

Региональные конфликты, независимо от того, где они происходят — на Ближнем Востоке, в Центральной Азии или Европе, — также существенно усложняют понятие национальных интересов, если учитывать их взаимосвязь с интересами международного уровня (с точки зрения мира и стабильности как в региональном, так и в глобальном масштабе). Примером этого являются события на Украине и вокруг нее.

Однако в эпоху глобализации важнейшая проблема заключается в том, следует ли включать в определение понятия «национальный интерес» всеобщие (или

¹ Краутхаммер Ч. Указ. соч. С. 15.

² Там же. С. 17.

³ Моргентгау Г. Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир. 4-е изд. Нью-Йорк: Alfred A. Knopf, 1966 (гл. «Реалистическая теория международной политики», «Шесть принципов политического реализма», принцип 2); Он же. В защиту национального интереса. Нью-Йорк: Alfred A. Knopf, 1951.

⁴ Politics among Nations. С. 9.

⁵ Если необходимо точное определение, см., например: Мискел Дж. Национальные интересы: благородные цели или броские фразы? Ньюпорт: Naval War College, 2002.

⁶ В качестве примеров см. концепции национальной безопасности США и России, которые были объявлены в начале тысячелетия. Президент США отметил в качестве «жизненно важных» для США «интересы, которые непосредственно связаны с выживанием, безопасностью и жизнеспособностью нашего народа» (Клинтон Б. Стратегия национальной безопасности в эпоху глобализации. Вашингтон: Белый дом, 2000. Дек. С. 4). В заявлении о принципах, обнародованном в том же году, Российская Федерация определила национальные интересы страны как «совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства в экономике, внутренней, политической, социальной, международной, информационной, военной, экологической безопасности» (Концепция национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента № 24 от 10 января 2000 г. Гл. II). Структурные различия см. также: Россия и национальные интересы США: какое дело американцам? : докл. специальной группы по изучению национальных интересов России и США / Центр по исследованию проблем национальных интересов и Белферский центр по науке и международным отношениям. Вашингтон, 2011. Окт.

универсальные) интересы, которые являются общими для всех. Другими словами, является ли *общее благо* (не только граждан одного государства, но и международного сообщества) определяющим элементом национальных интересов?

Вопрос становится еще более сложным, когда речь заходит о реальной политике. Готовы ли суверенные государства включить в определение «национального интереса» пункт о всеобщем благе, если международное сообщество фактически является многополярным, в то время как в ситуации отсутствия политического равновесия (в контексте однополярного мира, в котором все зависит от «милости» одной державы¹) наблюдается противостояние всех и каждого, упорное отстаивание каждым государством своих интересов, стремление добиться благосклонности гегемона за счет остальных?

Понимание национального интереса как основанного на принципах *взаимности* является наиболее релевантным в военной области, точнее, в вопросах, относящихся к защите государственных интересов страны и прежде всего ее выживанию. В этом смысле национальная безопасность является *необходимым условием* для реализации государственных интересов в прочих областях — политике, социальной сфере, экономике, культуре. В эпоху оружия массового уничтожения, особенно ядерного, война перестает быть, как сказал Клаузевиц, продолжением политики другими средствами² и становится способом *всеобщего уничтожения* — «уничтожения по взаимному согласию»³. Во всех ситуациях, когда решается вопрос сохранения человечества, национальный интерес надлежит реализовывать по *включаящему*, а не *исключающему* принципу, то есть уважая права других стран на основе взаимности. Это является самой сутью сосуществования государств.

В ситуации, когда оружие массового уничтожения становится основным средством гарантии национального интереса, *исключающий принцип*, ставящий во главу угла интересы отдельной страны в ущерб интересам других стран, будет изначально *нерациональным*. Выход США в 2002 году из Договора ПРО⁴ является наиболее ярким примером *исключающего, одностороннего* понимания национальных интересов, что

¹ Доклад, выполненный Комиссией по национальным интересам США, — это пример откровенно однополярной модели, оправдывающей притязания этой страны (США) на «мировое господство» (См.: Национальные интересы Америки: отчет Комиссии по национальным интересам США. Вашингтон, 2000. Июль).

² «So sehen wir also, daß der Krieg nicht bloß ein politischer Akt, sondern ein wahres politisches Instrument ist, eine Fortsetzung des politischen Verkehrs, ein Durchführen desselben mit anderen Mitteln» (Карл фон Клаузевиц) (*Vom Kriege*. Hinterlassenes Werk; ungekürzter Text. Новое изд. Берлин: Ullstein, 1998. С. 44).

³ Это выражение предложено американским математиком и стратегом Джоном фон Нойманом в 1950-х гг. Чтобы оценить это понятие в контексте предотвращения войны, см.: Шермер М. Поможет ли уничтожение по взаимному согласию предотвратить ядерную войну? // Scientific American. 2014. 1 июня. Т. 310. Вып. 6. URL: www.scientificamerican.com/article/will-mutual-assured-destruction-continue-to-deter-nuclear-war/

⁴ Договор между СССР и США был подписан в 1972 г. В 1997-м был принят Меморандум о понимании, определявший, что в соответствии с этим договором правопреемниками по нему являются Белоруссия, Казахстан, Российская Федерация и Украина.

само по себе становится угрозой миру и безопасности на планете⁵.

Необходимость во «включающей» и всесторонней интерпретации национального интереса также проявляется в *глобальных проблемах окружающей среды* и в вопросах *мировой экономики и финансов*. Разрушительная природа одностороннего и нескоординированного подхода проявилась помимо прочего в экономике и политической нестабильности, вызванной мировым финансовым кризисом 2008 года, и в неспособности сообщества государств выработать эффективные меры решения экологических проблем, ставших результатом либо непреднамеренного, либо преднамеренно игнорируемого воздействия промышленного производства и потребления.

В современной обстановке гегемонизма высокомерное утверждение и никем не сдерживаемое осуществление национальных интересов вызвало хаос в политически нестабильных регионах, таких как Ближний Восток и Центральная Азия, и привело к *нестабильному мировому порядку*. Вследствие дисбаланса в международных отношениях страна, наиболее сильная в военном плане, всегда испытывает соблазн вмешаться в дела даже самых отдаленных регионов и континентов, находящихся за пределами «естественной сферы влияния». В этих условиях одна страна, такая как США, все чаще определяет свои национальные интересы в глобальном, всеобъемлющем смысле, не обращая внимания на интересы более слабых стран. Гегемон не признает географических границ, утверждая свою власть.

Не случайно Североатлантический блок (НАТО), созданный в годы холодной войны как инструмент *коллективной обороны*, пересмотрел свою задачу после ее окончания. Когда в 1990-е годы США вышли на мировую арену как единственная сверхдержава, НАТО объявил весь земной шар территорией своих действий, ознаменовав тем самым переход от *оборонной политики к наступательной*⁶. *Изначально задачей этой организации было оказание помощи странам — членам блока в случае нападения на них (см. ст. 5 договора по НАТО от 1949 г.)*⁷. *Этот мандат (применительно к территориям стран — участниц блока) основывался на принципе коллективной самообороны в соответствии со ст. 51 Устава ООН и служил дополнением к организационной системе коллективной безопасности*⁸.

После исчезновения bipolarного баланса сил этот подход был забыт. Вместо него в новой военной доктрине НАТО возникло понятие «ведение военных дей-

⁵ Критику этого см.: *Цзинь-донь Янь*. Бомба Буша: резонанс в Азии // Asia Times Online. Гонконг, 2002. 8 янв. URL: www.atimes.com/China/DA08Ad01.html

⁶ Новую оборонную доктрину НАТО см.: Концепция стратегического альянса, одобренная главами государств и правительств, принимавших участие во встрече Совета НАТО в Вашингтоне: пресс-релиз NAC-S(99)65. 1999. 24 апр. URL: www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_27433.htm

⁷ Североатлантический блок. Вашингтон, 1949. 4 апр.

⁸ «Настоящий Устав ни в коей мере не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самообороны, если произойдет вооруженное нападение на члена Организации, до тех пор пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности».

ствий на территориях стран — не членом блока» и «кризисные ответные операции, не подпадающие под ст. 5»¹. Этот шаг ожидаемо привел интересы стран — членов НАТО к конфликту с национальными интересами безопасности многих стран — не членов НАТО, особенно тогда, когда этой организации было поручено проводить операции в ходе так называемой глобальной войны с терроризмом, объявленной администрацией США в 2001 году². Проблема еще более усложнилась в результате расширения блока и исчезновения его вечного соперника — блока стран Варшавского договора³. Поскольку НАТО все чаще стало проводить военные операции за пределами территорий стран-участниц, причем без соответствующего одобрения со стороны ООН (такие как в Югославии и Косово в 1999 г. и в Ливии в 2011 г.)⁴, осуществление коллективной безопасности от лица стран — членов блока стало широко восприниматься как угроза самой безопасности государств в районах проведения операций и, как следствие, безопасности всего мира.

Эскалация напряженности на Ближнем Востоке, в Северной Африке, на Кавказе и в Восточной Европе, включая вооруженный конфликт на Украине, — это прямой результат гегемонистской политики, равносильной экспорту национальных интересов ведущей державы в отдаленные районы земного шара. Такая имперская политика «ограничения» других стран после окончания холодной войны неизбежно приведет к усилению национальных интересов тех стран, чье влияние и власть по стратегической логике мирового гегемона необходимо «ограничить» в их же географических регионах. При таких обстоятельствах у этих стран нет выбора, поскольку нет иного рационального ответа на это грубое осуществление реальной политики (а на деле — политики силы). Провозглашение универсальных ценностей (принципов), определяемых од-

ной страной-гегемоном, которой должны подчиниться остальные, неубедительно для более слабых стран и не может быть оправдано с моральной точки зрения. Никакой идеализм перед лицом монополии на власть невозможен.

Урок, извлекаемый из такого развития событий в разных регионах земного шара, причем не только в названных регионах, но и на Филиппинах и побережье Южно-Китайского моря, заключается в том, что утверждение национальных интересов (особенно самыми сильными странами) совместимо с миром на планете при условии мирового баланса сил, то есть в рамках принципа взаимозависимости и взаимограничения, который изначально реализовывался с помощью вето, правом на которое обладают члены Совета Безопасности. Несмотря на то что такая система всегда работала не идеально, она внушала доверие и была эффективной, пока существовал паритет между Соединенными Штатами и Советским Союзом. При режиме взаимного контроля этих двух великих держав национальные интересы слабых стран не сбрасывались со счетов, эти страны также имели определенную возможность маневра между двумя мировыми соперниками, а Устав ООН с его принципом суверенного равенства достаточно строго соблюдался.

Проблема национального интереса схожа с проблемой определения и осуществления *национального суверенитета*. Для того чтобы последний способствовал сохранению мира, он должен быть реализован на основе *взаимности*, а не на абсолютном праве беспрепятственного самоутверждения за счет кахлибо членов мирового сообщества стран⁵. В последнем случае суверенитет будет *взаимно исключающим* и, следовательно, будет приводить к постоянным конфликтам и состоянию, которое удачно передает немецкий термин из области международных отношений — *Souveränitätсанархия* (анархия в отношениях между суверенными государствами)⁶.

Сама система коллективной безопасности, прописанная в Уставе ООН, рассчитана на неисключающее понимание суверенитета и национальных интересов. Полномочия Совета Безопасности, которыми он наделен в соответствии со ст. 7 Устава ООН, будут бессмысленными и противоречивыми, если каждое государство получит возможность реализовывать свой суверенитет в *абсолютном* смысле, в том числе развязывать войну по собственному усмотрению⁷. Иной подход, основанный на толковании суверенных прав в смысле *изоляции* (мировоззрение, лежащее в основе односторонней доктрины и гегемонистской стратегии стран), не только несовместим с системой коллективной безопасности ООН, но и в конечном счете *контрпродуктивен*, поскольку создает угрозу безопасности

¹ Ст. 52 Стратегической концепции альянса (1999).

² Более подробно см.: Кёхлер Г. Глобальная война с терроризмом и метафизический враг // Глобальная война с терроризмом и вопрос мирового порядка: исследование международных отношений / под ред. Г. Кёхлера. Вена: Междунар. организация за прогресс, 2008. Т. 30. С. 13–35.

³ Это стало одной из основных причин все более усиливающейся геостратегической напряженности в Евразии. Один американский комментатор привлек внимание к вопросу ответного удара (полностью игнорируемого страной, стремящейся к роли мирового гегемона): «Как бы отреагировали Соединенные Штаты на вторжение России в западное полушарие?» (Тэйлер Дж. Клокочущий гнев по поводу путинской России // The Atlantic. 2014. 22 сент. URL: www.theatlantic.com/international/archive/2014/09/russia-west-united-states-past-future-conflict/380533/). Анализируя первые годы после окончания холодной войны, следует привести слова Джорджа Кеннана, который настойчиво предупреждал об опасности и последствиях расширения НАТО: «Я считаю это началом новой холодной войны... я полагаю, что это трагическая ошибка. Для этого нет никаких причин. Никто никому не угрожал. От этого расширения наши отцы-основатели перевернутся в могилы» (Фридман Т. Международные отношения; теперь слово от X // New York Times. 1998. 2 мая. URL: www.nytimes.com/1998/05/02/opinion/foreign-affairs-now-a-word-from-x.html).

⁴ О сомнительной законности военных операций стран НАТО (под явным предводительством США) в Ливии см.: Меморандум президента Международной организации за прогресс о Резолюции Совета Безопасности ООН 1973 года (2011) и об осуществлении «вооруженного вторжения коалиционных сил» под предводительством США и НАТО / Международная организация за прогресс. Документ P/22680с. Вена, 2011. 26 марта. URL: www.i-p-o.org/IPO-Memorandum-UN-Libya-26Mar11.pdf

⁵ Более подробно см.: Кёхлер Г. Суверенитет и демократия против политики силы // Current Concerns. Цюрих, 2013. 22 нояб. № 34. С. 18–25 (Прил.)

⁶ Более подробно об этом понятии в контексте мирового порядка после 11 сентября 2001 г. см.: Кёхлер Г. Политика мировых держав // The Global Community: Yearbook of International Law and Jurisprudence. 2009. Т. 1. С. 182 и др.

⁷ Право развязывать войну было отменено пактом Келлога–Бриана в 1928 г. Положения этого пакта стали основным условием, включенным в ст. 2 (4) Устава ООН.

каждого государства, которую этот суверенитет призван защищать. В этом смысле он также будет и *нерациональным*, за исключением случаев, когда существует только одно государство, некий левиафан, которому человечество вряд ли захочет подражать, особенно в эпоху глобализации. Принимая во внимание множество стран, которым суждено сосуществовать на планете с ограниченными ресурсами, национальные интересы страны можно реализовывать только в том случае, если в стратегический и внешнеполитический расчет будут приняты еще более сложные взаимосвязи этой страны в сфере экономики, социальной жизни, культуры и обороны.

Заключение

Возникающая международная система *многополярна*, и складывающийся баланс сил потребует, чтобы каждая страна обсуждала свои национальные интересы на переговорах с другими странами, стремящимися к власти и влиянию на *региональном* и *мировом* уровне. В условиях глобальной взаимозависимости это и есть единственная *реальная политика*, способная обеспечить возможность стабильного мира¹, в отличие от идеалистической политики и притязаний на некое идеологическое превосходство, ха-

рактерных для тех, кто считает себя арбитром и даже «регулирующим в каждом регионе»². Как правильно подметил Эндрю Моравчик, «нежелание принять многополярную природу мировой политики является серьезной интеллектуальной ошибкой», которую в какой-то момент могут совершить мировые державы, обладающие военным превосходством³. *Скоординированный*, а не изолированный подход к определению и реализации национальных интересов будет лучшим средством против возрождения имперских претензий отдельной страны. Такой стране будет все труднее скрывать свои устремления под видом *универсальных ценностей*.

Где и когда ни возникал бы вопрос об *общем благе*, определение и политика осуществления национальных интересов не должны вступать в противоречие со «стремлением к соблюдению общемировых интересов»⁴. Как утверждает Томас Кристенсен, такой универсальный *многосторонний* подход лучше простой *двусторонней* утилитарной стратегии и курса в отношениях между отдельными странами, которые заверяют, что готовы «уважать ключевые интересы друг друга»⁵, но впоследствии могут изолироваться от других, что в конечном счете будет угрожать их безопасности.

¹ Тэйлер Дж. Указ. соч.

² Краутхаммер Ч. Указ. соч. С. 15.

³ Моравчик Э. Миф об однополярности в мире после холодной войны : уроки силы, преподанные США и Европой // Китай и глобальные институты / Принстонский ун-т, США. 2006. Дек. URL: www.princeton.edu/~amoravcs/library/unipolarity.doc

⁴ Кристенсен Т. Необходимость развивать взаимовыгодные интересы в отношениях между США и КНР : спец. отчет 269. Вашингтон : Ин-т мира США, 2011. Апр. С. 2.

⁵ Там же.